

Он был внебрачным сыном из ветви семьи Ван. Хотя его признали в семье, никто его не любил, и он жил словно невидимка. Позже глава семьи Ван, Ван Линьчжи, обратила на него внимание и решила усыновить. Он и сам не хотел оставаться в том доме, поэтому согласился.

Кто бы мог подумать, что за внешним лоском скрывалась грязь. После нескольких лет тренировок Ван Линьчжи нашла для него девушку.

Красивая девушка, которая так нежно ласкала его. Ван Яньфэн был всего лишь подростком, только начинающим познавать любовь, и он не смог устоять перед таким соблазном.

Ван Линьчжи не стала препятствовать его отношениям с этой девушкой. Ван Яньфэн думал, что однажды женится на ней, чтобы его дети не стали внебрачными, и чтобы он мог дать им счастливую семью.

Но однажды девушка внезапно заболела и вскоре умерла. Ван Яньфэн был подавлен, ведь первый человек, которого он полюбил, ушел так внезапно. Вскоре Ван Линьчжи нашла ему другую, но он не хотел вступать с ней в отношения, ведь он все еще любил ту девушку. Однако его опоили.

С тех пор его жизнь превратилась в кошмар. Каждый, с кем он вступал в близость, умирал в течение трех месяцев. После каждой смерти Ван Линьчжи подбирала ему новую, и каждый раз, когда Ван Яньфэн видел, как она улыбается ему, его охватывал ужас.

Позже Ван Линьчжи обучила его второму методу циркуляции энергии. Когда он немного освоил эту технику, она сама вступила с ним в связь.

С тех пор его жизнь стала порочным кругом, из которого он не мог вырваться. После близости с Ван Линьчжи или стариком из Ассоциации боевых искусств он становился очень слабым. Но когда он вступал в связь с другими, он снова становился здоровым. Он был словно инструмент, энергетический преобразователь, живущий в семье Ван.

Наконец, после того как он снова стал «подарком» на день рождения Ван Линьчжи, он шел по улице и увидел влюбленную пару. Его глаза покраснели, и он бросился на них...

— Я хочу избавиться от этой жизни, я хочу, чтобы все увидели их уродливые лица, — сказал Ван Яньфэн, закрывая лицо руками. — Поэтому я вышел на улицу и начал убивать. Я ждал, пока меня обнаружат, арестуют, и тогда их тоже привлекут к ответственности. После того как меня оправдали, я каждый раз сбегал из дома, искал людей и ждал, пока кто-нибудь раскроет их секреты. Я...

— Хватит, — вдруг прервал его Янь Чангэ, который до этого молча слушал. — Ты говоришь это, чтобы я сказал, что ты невиновен, что тебя заставили?

— Разве это не так?! — Ван Яньфэн с силой ударил кулаком по стеклу, крича в телефон. — Это они заставили меня сделать это, это они убили тех людей, это они...

— Замолчи, — Янь Чангэ слегка нахмурился, и вокруг него возникла аура ша. Ван Яньфэн, подавленный его давлением, сразу же замолчал.

— Техника, которую ты практиковал, после каждого контакта с кем-либо увеличивала твою внутреннюю силу. Ты должен был понять это с самого начала. Ты из семьи, связанной с боевыми искусствами, разве ты не знал, что это порочная техника сбора и восполнения? Но ты не прекратил тренировки, ты не попытался их разоблачить, ты даже не отказался от своей

силы, — Янь Чангэ спокойно продолжил. — Я не понимаю, почему ты пытаешься вызвать у меня жалость. Я знаю только одно: ты не был беспомощен. У тебя было множество способов остановить себя и других, но ты выбрал убийства, чтобы выместить свою злость.

Янь Чангэ положил трубку, не желая больше слушать признания Ван Яньфэна. Чангэ — это меч, и за тысячу лет он чаще всего использовался для убийств. Для меча все скрытые причины убийств не имели значения. Если он не понимал чувств, то пусть судят по закону. Если закон считает его виновным, значит, он виновен.

В соответствии с принципами конфиденциальности, разговор Янь Чангэ с Ван Яньфэном не мог быть прослушан. Когда он вышел из комнаты для встреч, Шэнь Ифэй сразу же спросил:

— Что он сказал? Что ты ответил? Почему он так возбужден?

После того как Янь Чангэ положил трубку, Ван Яньфэн громко кричал что-то по ту сторону стекла, его эмоции были накалены. Однако звук был заглушен стеклом, а Янь Чангэ даже не обернулся, не удостоив его взглядом.

— Ничего важного, — слегка нахмурился Янь Чангэ. — Просто бессмысленные слова.

— Судя по тому, как Ван Яньфэн сейчас возбужден, для него это вряд ли бессмысленно, — сказал Шэнь Ифэй. — Расскажи, я запишу.

Янь Чангэ кратко изложил то, что сказал Ван Яньфэн. Один из сочувствующих полицейских, услышав это, невольно заметил:

— Он был тогда еще молод, многие вещи были ему не под силу. В каком-то смысле он действительно жалок.

Янь Чангэ холодно взглянул на сочувствующего полицейского. Тот, почувствовав этот ледяной взгляд, словно острый клинок, тут же вздрогнул и быстро добавил:

— Однако, даже если он был не в силах, это не может быть оправданием для преступлений. Если он действительно не хотел, он мог бы сдаться. Учитывая, что он был несовершеннолетним, его могли бы судить более мягко. Но он не только не выбрал сторону справедливости, но и позже убивал невинных людей, чтобы выместить злость. Это совершенно не заслуживает сочувствия!

Шэнь Ифэй оглядел сотрудников офиса. Сначала все они испытывали некоторую жалость к Ван Яньфэну, но, услышав эти слова, их лица снова стали строгими и беспристрастными.

— Я не знаю, был ли он беспомощен, — сказал Шэнь Ифэй, — я знаю только одно: за все годы моей службы в полиции только он один вызывает у меня желание выхватить пистолет. Этот человек точно не невиновен. Его страдания не могут компенсировать вред, причиненный жертвам.

Сейчас Ван Яньфэн был слишком возбужден, и его допрос был временно отложен. Шэнь Ифэй не ожидал, что Ван Яньфэн вызвал Янь Чангэ не для важных разговоров, а просто чтобы пожаловаться. Эта поездка оказалась напрасной. Однако он был очень благодарен Янь Чангэ за сотрудничество, ведь Ван Яньфэн был крайне опасным человеком, и немногие согласились бы снова встретиться с ним.

— Спасибо за твою помощь, — протянул руку Шэнь Ифэй. — Когда твое удостоверение

личности будет готово, ты думал, чем будешь заниматься?

Янь Чангэ пожал руку Шэнь Ифэй и сказал:

— Все, что приносит пользу стране и людям, подойдет.

Шэнь Ифэй вздрогнул. Слова Янь Чангэ всегда вызывали у него дрожь, но сейчас он начинал к этому привыкать, и дрожь становилась не такой сильной.

— У меня вопрос, — спросил Янь Чангэ. — Разве Ассоциация боевых искусств не создавалась для управления и контроля над мастерами боевых искусств? Почему она вместо этого укрывает преступников?

— Ээ... — Шэнь Ифэй почесал затылок. — Изначально это было так. Все, кто знал боевые искусства, регистрировались в Ассоциации, включая семьи боевых искусств, которые также подчинялись ей. Но сила и деньги порождают коррупцию. Сейчас Ассоциация уже не та, что раньше, когда она призывала мастеров боевых искусств помогать людям и использовать свои навыки для блага страны и простых граждан.

— У Ассоциации изначально был такой смысл? — задумчиво произнес Янь Чангэ.

— Да, когда Ассоциация только создавалась, все, кто достигал минимального уровня мастерства, получали субсидии в зависимости от уровня. Те, кто был сильнее, могли содержать семью на эти субсидии и не нуждались в работе. Это было потому, что в начале становления страны многие мастера боевых искусств внесли огромный вклад, и страна была готова их поддерживать. Но постепенно, с развитием технологий, роль индивидуальной силы в обществе становилась всё меньше. Даже если ты мастер боевых искусств, ты не сможешь противостоять пуле.

Автор хочет сказать:

Цюй Лянь: Янь Чангэ — хороший человек, он очень добрый, даже пожертвовал своей истинной сущностью, чтобы восполнить мою ци ян.

Шэнь Ифэй: ...

Цюй Лянь: Я действительно боюсь, что его обманут. Он такой, что если кто-то что-то скажет, он сразу же пойдет помогать.

Ван Яньфэн: ...

<http://bllate.org/book/16787/1543842>